

ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛЬНОГО НЕВЕЖЕСТВА (II)¹

Аннотация. Автор производит попытку исследования невежества как феномена в его глобальном измерении. Во второй части статьи затрагивается проблема возведения невежества в масштабы власти. Акцентируется внимание на силе невежества и его всепоглощающей сути. Отдельное внимание уделено характеристике невежества с точки зрения его влияния на процесс формирования массового сознания.

Ключевые слова: невежество, мораль, нравственность, знание, интеллект, глобальная проблема.

CAUSES AND POSSIBLE CONSEQUENCES OF A GLOBAL IGNORANCE (II)

Abstract. The author makes an attempt to study ignorance as a phenomenon in its global dimension. The second part of the article deals with the problem of the ignorance as an authority. Attention is focused on the power of ignorance and its all-consuming essence. Special attention is paid to the characteristic of ignorance from the point of view of its influence on the formation of mass consciousness.

Keywords: ignorance, morality, moral, knowledge, intellect, global problem.

Невежество само по себе мало что значит, даже если оно обрело некоторую масштабность. Оно становится проблемой, когда превращается в норму. Именно благодаря невежеству, выборы, на которые тратятся огромные средства, превращаются в формальность по легитимации тех или иных личностей на различных постах; именно оно обращает в имитацию различного, но при этом нередко очень высокого, уровня форумы, заседания, совещания, лишённые не только творчества, но и самой обычной мысли и малейшего интереса, и которые служат лишь формализации заранее и сверху принятых решений; за счет наличия в обществе масштабного невежества абсурд, самодурство, всеобщий и бесосновательный конформизм, наконец, банальная ложь превращаются в норму, приводя в действие системы, основанные на принципе «я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак»; особенность невежества еще и в том, что оно не видит за всеми этими явлениями ничего из ряда вон выходящего, воспринимая их не только как нечто нормальное, но и как форму деятельности, жизни, а часто и форму государственного управления.

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович — кандидат политических наук, г. Москва

¹ Окончание. Начало см.: Гражданин. Выборы. Власть. №3. 2018.

Если судить по отдельным событиям в самых разных географических точках мира, по решениям, принимаемым всякими альянсами и группировками государств, то складывается впечатление, что миром большей частью невежество и правит. Из десятилетия в десятилетие (а теперь уже и из века в век) с высочайших трибун устами лидеров мировых/региональных супер/сверхдержав как мантра повторяются перечни глобальных вызовов в различных вариациях с включением и исключением в них то глобального потепления, то такого же похолодания, но с обязательным присутствием голода, неграмотности, болезней, войн, экологических проблем и многого другого, видимо, в надежде на то, что основная масса землян не обращает внимания на относительную несложность и решаемость большинства этих проблем при нынешних технологиях, возможностях и условиях, с одной стороны, и использование тех же потепления/похолодания или всяких «озоновых дыр» в качестве отвлекающих факторов, — с другой. И те, кто занимается подобным жонглированием, считая себя некими сверхчеловеками, ведающими судьбами целой планеты, упускают из виду, что подобная политика суицидальна по определению, — бумеранги имеют обыкновение возвращаться, а пожары очень часто легко перекидываются из одних концов земли в другие. Человек, использовавший оружие против других, убивавший, несравним с тем, кто этого не делал и, тем более, не допускает. Но и человек, потерявший близких, родных, родину, судьбу, подвергнувшийся насилию и унижению, принципиально и кардинально меняется не в лучшую сторону. Голод, болезни, неграмотность в одной части мира легко преобразовываются в миграционные проблемы в другой, война, развернутая в самой далекой точке мира, порождает терроризм и масштабную преступность в доме того, кто ее развернул.

Отличаются ли наши культы от «их» культов

Существует такое явление, как культы «карго» или «карго-религии» (поклонение грузу) со многими разновидностями (корни этих религий уходят в XIX век, но особое распространение они получили во второй половине XX века), которые, если сказать вкратце, основываются на так называемом магическом мышлении: аборигены меланезийских островов, где в годы Второй мировой войны размещались американские военно-воздушные базы, с целью вернуть белых людей, а вместе с ними — и их «дары» в виде продуктов питания и всяких «побрякушек» (чипсы, кока-колу и т.д.), строят «ангары» и «самолеты» из соломы и глины, сооружают из подручных материалов взлетные полосы, пытаются воспроизводить внешний вид тех военных баз. Разумеется, эти культы за десятилетия обросли всяческой атрибутикой, включая регулярное проведение обрядов, всевозможные ритуальные действия с танцами и песнопениями и так далее.

Трудно поспорить с тем, что все это — результат отсутствия представлений о современной технике и знаний в силу, ко всему прочему, их недоступности. Современному европейцу, американцу, азиату или австралийцу вряд ли придет в голову поклоняться самолету, даже если он — сверхзвуковой и имеет ракетный двигатель. Но разве безоговорочная вера во всемогущую руку рынка, во всякие либерализмы и консерватизмы как в панацею для наведения порядка в мировой экономике и политике (как и любая другая безоговорочная вера) так уж сильно отличается от карго-религий? Так ли далеко мы ушли от меланезийских аборигенов? Может, стоит, если даже не оглянуться, то хотя бы более пристально взглянуть в проблемы, которых мы громко называем глобальными? Например, попробовать в мировом масштабе исключить из практики «теневую» экономику, с теми же абсолютно легальными офшорами, обслуживающими узаконенную мафию; привести в порядок фондовые рынки, чтобы избавиться от времени от времени, но с завидной регулярностью и, естественно, в частных и корпоративных целях возникающих «биржевых пузырей»; добиться предсказуемости мировой экономики в целом и минимизации всевозможных кризисов в частности. Или перестать верить во всевластие и всемогущество «идолов» в виде различных стандартов — демократических, избирательных, глобализационных и т.д., и, наконец, попытаться понять, что человек (просто человек, без учета пола, расовой, национальной, религиозной или иной принадлежности), по своей сути намного сложнее, чем любые теории, и из этого и исходить. Та же Вторая мировая война — результат слепого доверия сотен миллионов цивилизованных (без кавычек) людей нацизму, провозглашавшему превосходство одних над другими, и ныне справедливо объявленному (я не пишу «признанному», поскольку не уверен во всеобщности этого признания) людоедской идеологией. Кстати, те же миллионы нацистскую идеологию воспринимали вовсе не как нечто человеконенавистническое, а как дорогу в земной рай. Для разоблачения истинного лица нацизма и его нейтрализации пришлось пожертвовать десятками миллионов человеческих жизней и сотнями миллионов судеб. А ведь он мог бы и победить!

Ведущие и ведомые, знающие и согласные, главные и второстепенные

Возможно, кому-то известны ответы на вопросы о настоящих целях главарей нацистов — авторов каннибальской идеологии и свершителей человеконенавистнических деяний, из чего они исходили — из собственных психологических проблем, материальных интересов, властных амбиций, выполняли чью-то волю, не ведали, что творят, или что-то еще. А вот что двигало миллионами представителей культурных народов, которые шли за ними, уничтожая и намереваясь превратить в пыль целые челове-

ские сообщества, мы вряд ли когда-либо узнаем. Ведь они состояли из отдельных личностей, среди которых были вполне образованные люди, и которых было бы трудно назвать невеждами. Одно ясно: во всех этих случаях человеческий разум и здравый смысл переставали работать, даже не уступая невежеству, а становясь его подручными. Возможно, и прав был Анри Пуанкаре, когда предлагал мыслительную функцию тех, кто не склонен думать, поручить другим: «Большая часть людей не любит думать и, может быть, это и к лучшему, ибо ими руководит инстинкт, и руководит ими обыкновенно лучше, чем интеллектуальные соображения, по крайней мере, во всех тех случаях, когда люди имеют в виду одну и ту же непосредственную цель. Но инстинкт — это рутина, и если бы его не оплодотворяла мысль, то он в человеке не прогрессировал бы больше, чем в пчеле или в муравье. Следовательно, необходимо, чтобы кто-нибудь думал за тех, кто не любит думать»¹. А если тот, кто взял на себя ношу думать, неуч и невежда, представляющий собой опасность для общества, а в некоторых случаях, и всего мира — ведь при нынешнем уровне военных технологий, достаточно один раз нажать пресловутую «кнопку», чтобы процессы самоуничтожения человечества стали необратимыми.

Не случайно, что практически во всех утопических работах о будущем планеты, включая всевозможные научные теории и художественные произведения, как современные, так и многовековой давности, в качестве власти подразумевается коллективный разум, то есть, само общество. Да, это мечты, но реальность показывает, что без ответственного социума наладить дела как в отдельно взятой стране, так и во всем мире, чрезвычайно сложно, а может быть, и невозможно. Стоит лишь разразиться какому-нибудь кризису, вызванному неосторожным высказыванием, например, авторитетного политика, известного экономиста или даже банковского клерка средней руки, тут же самые благополучные страны «тонут» в разного рода проблемах, а целые государственные, экономические, политические системы начинают рушиться чуть ли не по «принципу домино». Идеологии в том виде, в котором они сегодня воспринимаются, даже если их сделать общемировыми, не спасут, как и пресловутое мировое правительство, о котором немало говорится, и как не удивительно, в положительном контексте. Идеальный мир или идеальная страна, это общество, состоящая из идеальных интеллектуалов, но правда в том, что пока наш мир состоит большей частью из невежд. Не хочется никого обидеть, но практически все мы, то есть, люди — в том или ином смысле невежды, лучшие из нас несовершенны, и так будет в самом благоприятном случае в ближайшие сотни лет. Американский священник Джонс Терри, с патологической настойчивостью и регулярностью сжигавший Коран и вызывавший этим гнев миллионов одних к миллионам других,

¹ Пуанкаре А. О науке. М., 1990. С. 373.

молодые исламисты, расстрелявшие парижских художников за карикатуры на Пророка, великий Данте, поместивший в своем бессмертном творении «Божественная комедия» мусульманских святых Мухаммеда и Али в христианский Ад, один из лучших писателей современности Кнут Гамсун, отдавший свою Нобелевскую премию Йозефу Геббельсу и написавший некролог Адольфу Гитлеру, государства, политики и политехнологи высочайшего порядка, взрастившее всевозможные «талибаны», террористические группы и организации в качестве практических средств (то есть для убийства невинных людей) по решению своих узколокальных и пустых задач в надежде, что ими можно управлять бесконечно, в полной мере и безопасно для себя, по своему невежеству не сильно отличаются. В конце концов, мы — цивилизация, которая развязала две мировые войны, сбросила атомные бомбы на людей, разработала, совершенствует, производит и использует химические яды как средство массового поражения, допускает возможность использования биологического и бактериологического оружия и многое, многое другое. И об этом не стоит забывать хотя бы во имя будущего.

Свобода идеологии

Зачастую идеологии требуют жесткого подчинения и нет ничего удивительного в том, что самые вроде бы демократические партии, носители предельно либеральных идей, гордящиеся своей внутрипартийной демократией, по своей структуре жестко авторитарны, и каждая из них опирается на догмы (свои, чужие — не так важно). Более того, любой политической партии (даже самой интеллектуальной) удобнее иметь дело с невежеством, чем с интеллектом; ведь интеллект практически невозможно держать в рамках догм. В данном смысле политические идеологии ничем особенным от религиозных не отличаются. Общая же для всего человечества проблема заключается в том, что идеология, опирающаяся на невежество, не может иметь развития по определению. Любое движение вперед (то есть прогресс) уязвимо перед той или иной формой финансовых, экономических, политических, военных или иных кризисов (реальных, ложных, мнимых, управляемых, контролируемых, целевых, случайных и т.д.). А идеологическое развитие — важнейший фактор по той простой причине, что миром правят идеологии, а не мировые лидеры, раз в несколько лет в том или ином формате собирающиеся вместе, чтобы, как сами утверждают, сверять часы, и не Америка с Европой и Китаем, не ООН и другие наднациональные структуры, и тем более не юриспруденция в виде международного права, не деньги и не ядерное вооружение, ждущее своего часа. Все вышеперечисленное в той или иной степени находится под властью тех или иных идеологий, цель которых,

независимо от их названий, чаще всего, одна — удержать в узде мировое невежество исключительно в собственных целях.

Капитализм, социализм, коммунизм, фашизм, нацизм, глобализм, потребительство и многое другое, как и любые религии, похожи между собой тем, что пытаются, иногда сами того не осознавая, управлять массами в широком смысле слова. Их реальные цели могут в корне отличаться от мнимых, видимых, декларируемых, но если вникнуть вглубь каждой из них, то можно обнаружить лишь желание править миром. Следовательно, по своей сути — это одна идеология в различных формах, видах и обличиях. А их конфликты между собой — всего лишь внутривидовая борьба за первенство. Что же касается интеллектуальной части мира, то ее голос — это не более чем глас вопиющего в пустыне. Она в лучшем для себя и худшем для человечества случае занимается к тем же идеологиям на обслуживание, разрабатывая различные проекты по прикрытию их истинных намерений, технологии для достижения промежуточных целей и обеспечивая им дальнейшее комфортное существование. Благодаря ей, идеологии могут себе позволить брать на вооружение передовые достижения человечества вроде компьютерных технологий, лучшие образцы технической и гуманитарной мысли, новейшие психологические разработки и так далее. Интеллектуалы, не желающие по тем или иным причинам прислуживать идеологиям, пребывают или в нищете и безвестности, или ограничиваются высказыванием всевозможных, по своей сути и результатам ничего особо не значащих, особых мнений. Когда человеческий интеллект становится в глобальном смысле слова нейтрализованным, оказывается некому, нечем и негде (все возможные трибуны контролируются идеологиями) ответить на высокомерные бредни типа необходимости развития военно-промышленных комплексов до масштабов звездных войн с научными целями для гражданской жизни (когда наука может просто работать не на уничтожение планеты, а на созидание); триллионных затрат на борьбу с загрязнением окружающей среды (когда можно направить усилия на создание чистых технологий, чтобы природу не загрязнять); уничтожения целых стран во имя их демократизации (?) и много другого; а тем более — противостоять. Различного уровня и масштаба бенефициаров этих идеологий (стран, корпораций, семей, групп интересов, отдельных людей) не так много, но и не так мало. Бенефициары не сильно заметны, но они есть везде и всюду; и там, где не могут находиться физически, они присутствуют посредством интересов. Невежество подобных проектов заключается в том, что даже «маленькие победоносные войны» (не говоря уж о масштабных глобальных силовых конфликтах) происходят не в безвоздушном пространстве — во всех случаях они касаются непосредственно людей (как «чужих», так и «своих»), даже если ведутся, как сейчас говорят, дистанционно. А у людей, как известно, наличествуют сознание, различного

рода чувства, еще и память, которые имеют обыкновение проявляться в той или иной форме (никому не дано знать — в какой), в тех или иных обстоятельствах и по отношению к тем или иным проблемам,— это вопрос времени. То есть, человек, познавший войну, нередко превращается в заряженное оружие и может выстрелить в любой момент. Надежды выгодоприобретателей всевозможных военных конфликтов, что это их не коснется (высоко сидят), как показывает общемировая практика, могут оказаться тщетными. Рассматривать земной шар как шахматную доску, возможно, и интересно в рамках политологических или каких-либо иных исследований, но воспринимать его таковым, во-первых, глупо и невежественно, во-вторых, чревато весьма серьезными и опасными последствиями. Те же шахматы с их всего лишь 64 клетками и 32 неодушевленными фигурами — игра очень сложная и по сей день преподносят сюрпризы своей глубиной и непредсказуемостью. Человечество с миллиардами индивидуумов, каждый из которых сам по себе во множество раз сложнее любых игр хотя бы из-за огромного числа зависимостей от самых различных факторов, например, количества пятен и частоты и силы вспышек на солнце, магнитных бурь, атмосферного давления, собственных внешних и внутренних проблем, требует к себе более серьезного отношения даже в исследовательском плане, не говоря уж о восприятии.

Невежество идеологии

Невежество — главная опора любых идеологий. Поэтому оно и холится и лелеется. По мере того, как идеологии захватывают все новые и новые территории посредством той же глобализации, они становятся все смелее, выдвигая на первый план неприкрытые средства вроде той же стандартизации. Вроде бы слово как слово и термин как термин. Но за понятием стандартизации кроются различные виды порабощения путем введения одних и тех же форм сначала образования, а затем и восприятия. Человек и так является средством для идеологий, его дальнейшее превращение в банальный инструмент извлечения выгоды для групп интересов, кем бы они собой не являли,— путь к катастрофе.

Проблема все же не в том, что существуют разного рода идеологии, по которым человечество так или иначе ориентируется. Во-первых, идеологии бывают разные, суть понятия «идеология» в ее этимологии, то есть в идее. Если идея (или идеи), составляющая основу идеологии, светлая, то и идеология несет свет, если наоборот, то нужно быть готовым к очередной войне, революции, глобальной социальной катастрофе, новым вызовам, на которые ответить будет нечем. Во-вторых, идеология — всего лишь средство, инструмент поиска, в самом лучшем случае, некий компас,

если угодно, определенного рода карта и не более того. И когда идеология подминает под себя мысль, а затем и ее носителей, загоняя всех под одну «гребенку», то она теряет свободу и вместе с ней все свои положительные качества, превращаясь в инструмент масштабного насилия сначала в руках отдельных сил, например, власти, государства, а затем становится и над ними, обозначая себя, как в случае с Советским союзом — умом, совестью, честью и всем остальным.

Путь к тому, когда та же глобализация объявит себя всем вышеназванным, недолог. Вспомним времена, когда о ней только заговорили. Сколько было эйфории и надежд по поводу того, что наконец-то мир сможет, если не стать единым, то хотя бы начать поиски общего, понятного для всех языка. Под словом «язык» подразумевается не средство коммуникации, а способы достижения хотя бы желания взаимопонимания без корысти, взаимных претензий и обвинений. Но для этого из сути глобализации нужно вынуть коммерциализацию, то есть, меркантильную составляющую, которая придает, казалось бы, благой идее неприемлемый «привкус» и делает ее делом не всех, а отдельных государств, корпораций, групп и, соответственно, у большей части человечества вызывает отторжение. Кроме того, подтверждает справедливость мнения о том, что глобализация служит той же идее пресловутого «золотого миллиарда», по которой 80 процентов населения планеты обречено обслуживать оставшиеся 20 процентов избранных — еще одно свидетельство глобальности масштабов невежества. В той или иной форме, в тех или иных масштабах человечество сталкивалось и с подобным, и всякий раз упиралось в мятежи, восстания, революции, а то и войны. Наступать на различного рода грабли — занятие небезынтересное, но опять же только для невежд. Нормальный человеческий интеллект нуждается в более плодотворных практиках, хотя бы для саморазвития.

Невежество как часть потенциала человечества

Невежество не природный атрибут человека, иначе бы наша цивилизация застряла в каком-нибудь неолите. Потенциал человечества огромен. Недавние истории с «азиатскими тиграми» — странами, сумевшими перепрыгнуть через целые века в своем развитии, яркие примеры того, **что** возможно только лишь при наличии реальной цели. Один Ли Куан Ю за неполные 30 лет смог превратить отсталый, неграмотный, с небольшим, но многонациональным населением и, как водится, раздираемый межэтническими конфликтами, находящийся в экономической, политической, культурной зависимости от своих сопредельных и дальних соседей, лишенный любых более или менее значимых природных ресурсов (даже питьевую воду приходилось завозить извне) Сингапур

не только в цветущий сад, но и в один из мировых финансовых центров и одну из влиятельных стран мира с высочайшим уровнем образования и жизни. Может, стоит задуматься над этим – если Ли Куан Ю удалось превратить невежество в потенциал в ограниченном пространстве маленькой, но весьма непростой, страны, то, возможно, это получится у всего человечества? Впрочем, подобное случалось не только с маленькими странами, да и незачем далеко ходить: с 1920-х годов по 1960-е годы Советский Союз на территории, еще в недавнем прошлом раздираемой противоречиями, абсолютно нигилистическими революциями и братоубийственными внутренними конфликтами, включая первую мировую войну, вооруженное гражданское противостояние и интервенции, совершил чудо, осуществив огромный скачок во всех отраслях, как в те годы говорили, народного хозяйства, продираясь сквозь международную изоляцию, повсеместную разруху, мировую войну, превратившую немалую часть страны в руины, превратив голодное и невежественное население в развитое общество с огромными научными достижениями только за счет того, что обозначил, как позднее оказалось, призрачную, но большую цель, кстати, взяв на вооружение идеологию. Распад той великой державы стал возможен только тогда, когда по чисто субъективным причинам (всякая мысль нуждается в развитии, а идея социализма, как идея первопроходцев, тем более требовала перманентного интеллектуального обогащения) исчерпал себя ее внутренний стержень – идеология. Если сказать по-другому, то Советский Союз привели к краху не внутренние противоречия, свойственные практически любому системному образованию, и не внешние силы, на которых кивают отечественные адепты конспирологических теорий, а политико-экономические просчеты его руководителей, неспособных из-за своего банального невежества понять сути исторических и общественных процессов и просчитывать возможные шаги страны и вызовы для нее хотя бы на несколько шагов вперед. «Лишь получая адекватное отражение в строгой научной теории, описывающей закономерности возникновения (производства), функционирования и распространения общественно-значимых идей в социуме, мировоззрение в качестве научного уровня организации общественного сознания превращается в идеологию. Взятая в качестве отражения на этом уровне коренных интересов определенного субъекта политического процесса она выступает как политическая идеология. Особо важной целью идеологии как стороны общественного сознания выступает, таким образом, способность к социализации и мобилизации всех ресурсов социального управления. С этих позиций объемы понятий социализации и идеологического обеспечения практически совпадают. Суть заключается в том, что как нет идеологии “вообще”, так нет и идеологического обеспечения “вообще”. Каждой идеологии предшествует “объективная

истина, абсолютная природа”². Так и идеологическому обеспечению предшествует реальная социальная установка»³.

В вышеозначенном контексте под идеологией подразумеваются не правила, установленные монархом, президентом, правящей партией, властью или государством для людей-«винтиков», а некое объединяющее начало — общая цель, понятная и приемлемая для всех и обозначенная в виде доктрины или, как модно говорить у нас, национальной идеи. При этом идеология — доктрина живая и постоянно меняющаяся в соответствии с множеством факторов, и в первую очередь, вызовами времени, как, кстати, и конституция, часто преподносимая в виде «священной коровы», которая «есть то, что о ней скажет Конституционный Суд; ее освоение немыслимо вне правовых позиций Суда или вопреки им»⁴. Иначе говоря, конституция не может функционировать без внутреннего движения и развития, которые должны быть обусловлены «социально-историческим развитием общества»⁵, но не в коем случае, «не внезапным “озарением” судей, продиктованным политической конъюнктурой или иными субъективными факторами»⁶.

Образование vs Невежество? Вряд ли!

С общественным невежеством может справиться только само общество. Но, к сожалению, здесь первым делом необходимо решить важнейший вопрос — разорвать порочный, к тому же, замкнутый круг, подчиняющий производное источнику, то есть, государство — обществу. Человек, следовательно, общество, превыше любых производных, а производны от них все социальные институты, вся экономика и политика, любые формы управления, правления, любые виды государств, нормы морали и законов, конституции и суды, которые лишь служат тому, чтобы в мире человека царил лад, мир и порядок. По данной очевидной причине целью, о которой идет речь, может быть только человек, его благополучие в максимально полном и глобальном смысле. Любые масштабные изменения в виде эволюций, революций, социальных трансформаций, метаморфоз, прогресса, регресса, политических, экономических или иных витков различного рода «спиралей» и так далее имеют перманентный характер (полная стагнация невозможна в принципе — человек меняется и вместе с ним и меняется и общество) и не могут быть, являться, служить не только конечной,

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18. М., 1968. С. 138.

³ Карасев В. И. Социальная трансформация: некоторые аспекты методологии исследования электоральной демократии //Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3.

⁴ Эбзеев Б. С. Конституционное судопроизводство //Правосудие в современном мире. Изд-е 2-е, переработ. и доп. Под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2017. С. 568.

⁵ Там же. С. 574.

⁶ Там же.

но даже промежуточной целью. Идеи базиса и настройки, первичности потребностей или духовности, различные социальные, психологические и социологические концепции настолько малы и узки по сравнению с широтой и глубиной человеческой сущности, что могут быть пригодны лишь в краткосрочные периоды и для решения локальных задач — это как выступ на скале, ухватившись за который можно дотянуться до очередной опоры. Глобализационные, потребительские и иные проекты, имеющие своей целью решение коммерческих (очень часто), узкокорпоративных (даже если в корпорацию входят все мировые сверхдержавы вместе со всеми сверхкорпорациями), политических задач, лишь сдерживают развитие человечества. В корне этого сдерживания кроется все то же всепланетарное невежество. Поясню свою мысль: несколько десятилетий тому назад наши соседи — финны — основательно взялись за проблему образования — в первую очередь, школьного. Идея заключалась в том, чтобы приблизить школьные знания к реальной жизни, то есть раз на дворе информационный век, и мы живем в информационном (или уже в постинформационном?) обществе, то школа и должна готовить учеников к соответствующей жизни. «Финны говорят: “либо мы готовим к жизни, либо — к экзаменам. Мы выбираем первое”. Поэтому экзаменов в финских школах нет. Контрольные и промежуточные тесты — на усмотрение учителя. Существует только один обязательный стандартный тест по окончании средней общеобразовательной школы, причем, учителя не пекутся о его результатах, ни перед кем за него не отчитываются и детей специально не готовят: что есть, то и хорошо. *В школе преподают* только то, что может понадобиться в жизни. Логарифмы или устройство доменной печи не пригодятся, их и не изучают. Зато здешние детишки с детства знают, что такое портфолио, контракт, банковская карта. Умеют высчитать процент налога на полученное наследство или заработанный в будущем доход, создать сайт-визитку в Интернете, просчитать цену товара после нескольких скидок, или изобразить “розу ветров” на данной местности»⁷.

Не хотелось бы упрощать, к тому же с учетом первых результатов можно с уверенностью сказать, что образовательная реформа в Финляндии оказалась весьма эффективной, но первым делом под «нож» попали гуманитарные предметы⁸, преподавание которых было, скажем так, опти-

⁷ Загадки финской школы: меньше учишься — больше знаешь? Цитируется по: <http://terve.su/zagadki-finskoj-shkoly-menshe-uchi>.

⁸ В начале 1990-х годов автор статьи учился в одном учебном заведении исключительно гуманитарного направления. Годы были динамичные, все менялось чуть ли не на ходу, и в наш вуз на волне демократизации прислали нового ректора (предварительно благополучно избавившись от морально устаревшего «старого») — бывшего преподавателя провинциального технологического института, сделавшего себе имя громкими демократическими высказываниями. На первом общем собрании с участием преподавателей, аспирантов и докторантов — философов, историков, социологов, юристов, психологов, политологов и так далее, он заявил, что не знает, зачем нужны общественные науки, и предложил для начала избавиться от философии. Тут сложно как-либо комментировать, но тем самым тот новый ректор самолично определил к себе соответствующее отношение большинства.

мизировано. Была изменена форма подачи материала в сторону создания более комфортных условий для учеников. Реформы сработали, спустя довольно короткий период финны выдали на гора новый и достаточно качественный, и в силу этого быстро ставший популярным, мобильный телефон «Нокиа». С учетом того, что в мире не так много стран, которым удастся создавать свои модели подобных аппаратов, в принципе, можно считать финскую реформу образования успешной. Но не столкнутся ли финны через пару поколений с проблемой дефицита гуманитарной мысли, которая не только идет впереди технической и пробивает ей дорогу, но и служит внутреннему обустройству общества и наведения порядка в ее сути, предлагая ориентиры для развития. Самое очевидное (пусть и примитивное) доказательство сказанному, это факт того, что практически все технические новинки задолго до их изобретения были предсказаны писателями-фантастами.

Время сверять часы, то есть, маршрут. А может, и то, и другое?

Дорога, по которой движется человечество, еще никто не в кратко-, не в средне- и не в долгосрочной перспективе не смог предугадать в силу несоизмеримой сложности задачи. Попробуем представить себе, что весь мир идет «финским» путем (это не исключено — эстонцы уже пошли) и встает на путь «голового» технического и технологического прогресса. Не столкнемся ли мы в совсем недалеком будущем потерей реальных взаимосвязей между людьми, не лишимся ли почвы под ногами в виде все той же духовности (не в религиозном, как зачастую воспринимается сегодня слово «духовность», а в значительно более полном и широком смысле), не потеряем ли мы человека в человеке в конце концов? Но именно нечто подобное может с нами случиться, если мир окажется во власти однобокового, то есть, невежественного восприятия собственной сущности и своих целей. Иначе говоря, в случае, если человечество из-за собственного невежества свернет не туда (например, начнет глобальную войну), то все технические изобретения, вся наша информационная гордость вместе с цифровой жизнью может потерять всякое значение, как отжившие свой век игрушки.

К сожалению, данное предположение имеет все основания стать реальностью. Уже сейчас с уверенностью можно сказать, что в современном мире технический прогресс опережает как гуманитарную мысль, так и уровень развития общества. Этой дисгармонией и вызвано то, что в своих стратегических (по крайней мере, в ближайших) целях человечество обращено не на Человека и Землю, а на условный Марс и реальный Космос. Идеология (то есть система идей), запутавшись в политике на

потребу дня, представляет собой (в любых формах, ипостасях и географических координатах) прислугу власти и, конечно же, самую откровенную пропаганду, призванную служить ширмой для прикрытия истинных целей так называемых сильных мира сего. Мировая политика и экономика вовсе плетутся в «хвосте» повседневности, ориентируясь не на будущее, а на данности, не имея необходимого инструментария для опережения времени хоть на какой-то период. И в результате, если вчера коммунизм из благой цели всеобщего счастья мановением руки невежд, извлекших из всей богатейшей теории Карла Маркса лишь идею революции, превратился в идеологию мирового господства со всеми вытекающими из нее последствиями, то сегодня глобализация, которая, как вполне реальная, более того, логичная цель, могла бы объединить человечество и вывести его на магистральный путь гармоничного прогресса, все больше становится примитивной хитростью уличного торгаша, увлекшегося мелким мошенничеством, способствуя коммерциализации всего и вся. Более чем громко звучащие словосочетания «мировая политика» и «мировая экономика» совершенно не сочетаются с мировой реальностью, заключающейся с одной стороны, в масштабном голоде, постигающем из года в год огромные массы людей, отсутствии доступа у миллиардов обездоленных не только к образованию, но и чистой питьевой воде, с другой — в нескончаемых конфликтах и войнах со множеством жертв и перманентной глобальной конфронтации, цель которых, по сути, одна — обогащение во что бы то ни стало. При этом не обязательно заканчивать Гарварды и Кембриджи, чтобы понимать, что *каждый человек — ресурс*. Не сочетаются, например, и практически ежегодные наводнения и лесные пожары в самых разных концах света, происходящие если не по одним и тем же, то точно по похожим причинам, которые ну никак не устранить, и регулярные полные пафоса встречи лидеров тех же «семьерок», «двадцаток», всевозможные саммиты, глобальные и региональные форумы, где с серьезными минами обсуждаются общемировые проблемы. Подобных логичных и нелогичных, явных и абсурдных примеров вокруг нас множество, хуже того, они продолжают плодиться в виде новых проблем, а то и широкомасштабных бедствий. И вряд ли это обстоятельство можно объяснить чем-либо еще, кроме невежества. Не на природу же сослаться! В данных рассуждениях легко углядеть и идеализм, и алармизм, и морализаторство. А может, мы все сегодня в этих качествах нуждаемся, чтобы не допустить худшего. Разве нормально, когда экономические достижения измеряются во всевозможных ВВП, а гармония в обществе — в абсолютно пустых и ничего по сути не определяющих «индексах счастья», когда для определения верности пути, выбранного что отдельно взятым индивидуумом, что семьей, нацией, народом, человечеством, экономикой, политикой, идеологией, есть лишь одно мерило — качество человека и уровень его благосостояния.

Дисгармония или разветвление дороги

Явные признаки дисбаланса между состоянием технического прогресса и общества, между технической и гуманитарной мыслью на виду: использование самых передовых технологий в развлекательных целях; вложение огромных средств в создание компьютерных игр и их рекламу; усилия, направленные на своего рода отвлекающие факторы в глобальном масштабе и т.д. и т.п. Следовательно, техническому прогрессу в реальном и широком смысле не находится применение. Вот и озвучиваются бредовые идеи о туристических полетах на другие планеты, когда не исследованы не только почва под ногами и огромные водные просторы, возможно, скрывающие в себе будущее человечества, но и сам человек. «Сколь наивной кажется нам сейчас радостная иллюзия прошлого столетия, видевшего в прогрессе науки и распространении всеобщего образования залог и обещание непрерывно совершенствующегося общества! Кто еще всерьез верит, что переход триумфа науки в еще более прекрасный триумф техники может спасти культуру! Или что искоренение безграмотности положит конец невежеству! Нынешнее общество, вдоль и поперек окультивированное и почти сплошь механизированное, выглядит совершенно иначе, чем грезившаяся картина Прогресса...»⁹. Здесь для характеристики современного общества можно добавить слова «компьютеризированное» и «оцифрованное», а весь остальной текст, написанный в первой половине двадцатого века, — оставить как есть. Но компьютеризация, так же как и цифрование, уже коснувшаяся многих сторон нашей жизни, не положила и не положит конец невежеству, даже если человечество надумает вставлять электронные микрочипы в собственные мозги. Есть сферы, где человеческий фактор часто оказывается не к чему, — субъективный момент не всегда способствует решению, например, технических задач, но невежество — само по себе человеческий фактор, и справиться с ним может только социум. При этом требовать от людей быть умными, грамотными, талантливыми, высокими интеллектуалами, или объявить войну невеждам, как минимум, непродуктивно, а то и глупо. Люди очень разные, в том числе и по своим способностям. Другое дело, что реальные условия окружающего мира, обстоятельства, сложившиеся в обществе, высокие требования времени, востребованность того же ума, таланта, образования могут провоцировать раскрытие интеллектуального потенциала у больших масс людей, более того, способны существенно затруднить проявления невежества как деструктивной силы. Но для этого обществу нужно самоорганизоваться, налаживать внутренние связи и, наконец, для начала

⁹ Хейзинга Й. Тени закатного дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. С. 50.

стремиться раскрывать и по максимуму использовать хотя бы большую часть своего потенциала.

Quovadis, или Что же делать?

В дни, когда пишется данная статья, мир спорта (и не только) с изумлением (некоторые — с восторгом и оживлением) наблюдает за сделками между грандами европейского футбола: одни клубы продают другим игроков (одному из которых 18 лет) за громадные по любым меркам деньги — от 100 миллионов до 222 миллионов евро. Конечно, это рынок, и деньги, и футболисты (!) принадлежат клубам, вот они и распоряжаются своим имуществом по своему усмотрению. Нет смысла рассказывать, что миллиарды людей на земном шаре существуют на один, еще миллиарды — на несколько евро в день, скажем только о том, что самая высокая ежегодная премия мира — Нобелевская, — вручаемая лучшим умам человечества за высочайшие достижения, в 2016 году составила около 917 тысяч евро. Есть длинная восточная притча о том, что после многих лет обучения учитель, в заключительный день обращаясь к выпускникам школы с последним напутствием, говорит: «И напоследок запомните самое главное: никогда не селитесь в местах, где творог стоит дороже, чем масло!». Ученики расходятся в недоумении — стоило ли столько лет учиться, чтобы в качестве самого главного узнать о пропорции между стоимостью продуктов питания? Годы спустя, один из выпускников оказывается в городе, где жизнь бурлит — веселье с утра до ночи, люди ходят беспечные, у всех на лицах радость, и решает остаться здесь жить и предаваться веселью, как и остальные горожане. Но однажды попав на местный рынок, обнаруживает, что в этом городе творог дороже масла. Мысленно посмеявшись над бывшим учителем, выпускник продолжает наслаждаться жизнью. И через несколько дней случайно оказывается на городской площади, где происходит казнь вора, пойманного за руку на месте преступления. В момент, когда должно было состояться повешение, палач во всеуслышание обращается к главе города, что не может привести приговор в исполнение из-за анатомических особенностей вора: диаметр шеи у него шире головы, следовательно, голова будет соскальзывать из петли. Глава города, недолго думая, приказывает заменить вора на человека с более удобными для казни параметрами, и выбор, как несложно догадаться, выпадает на бывшего выпускника, у которого голова была большой, а шея тоненькой — как раз под петлю! Мораль притчи простая: если общество допускает несправедливость в малом, то и в большом не будет ей сопротивляться. Мир давно живет в ситуации,

когда не только творог стоит дороже масла, а человеческая жизнь во много раз дешевле пули в силу неимоверно высоких амбиций одних, пустых по своей сути интересов других, масштабного равнодушия третьих. И все это в отдельности и в сочетании в итоге складывается в глобальный дефицит справедливости. И мы, к слову, не знаем, как на подобного рода проявления несправедливости реагируют общество в целом, а индивидуумы — в отдельности. «Народ безмолвствует», но это не означает, что он воспринимает все, как должное, и волей неволей не аккумулирует внутри себя отрицательную энергию, способную трансформироваться во что угодно, и когда угодно. Социология ничего в данном смысле не выявляет, она тут бессильна, максимум, что она может, это измерить градус общих настроений для какого-то сегмента населения в конкретное время — глубинные многофакторные общественные процессы ей недоступны и, следовательно, неведомы. Вот почему ни одна революция еще никогда и никем не была предсказана. В силу данного обстоятельства революции и объявлены непредсказуемыми. Ко всему сказанному, еще и управленческий арсенал власти (в масштабном смысле), если отбросить всякую шелуху, нанизанную на так называемую науку государственного управления и состоящую большей частью из гипотез и предположений, результатами которых в совсем недавней истории стали многочисленные государственные перевороты, распады государств, «цветные революции», локальные и масштабные конфликты и войны (Чили, Вьетнам, Афганистан, Советский Союз, Югославия, Ирак, Ливия, в наше время — Сирия и множество других), являет собой все то же сочетание «хлеба и зрелищ», «кнута и пряника», и совершенно не учитывает состояние современного общества.

Но все же главная проблема не в амбициях, не в сути тех или иных интересов, и даже не в нехватке или отсутствии справедливости. Проблема, с одной стороны, в их восприятии обществом — ни у одного из названных и множества неназванных здесь негативных явлений нет никаких шансов против опирающегося на здравый смысл и высокую нравственность общественного мнения. С другой стороны, проблема заключается в том, что многие явления, выступающие барьером на пути человечества к реальному пути развития, являют собой всего лишь следствия. И масштабное невежество, воспринимаемое человеческим сообществом, прямо скажем, легкомысленно, — одно из них. При всей простоте оно — явление многостороннее и многофакторное. Его не одолеть одной только культурой, одним только общественным мнением, одним только знанием, а уж увещеваниями и воспитанием — тем более. Семья и школа тут, конечно, причем, но не до такой степени, как воспринимается и кажется. При этом невежество должно быть одолено на всех уровнях, иначе его становление как всеокрушающей силы — вопрос времени.

И как же все-таки избавиться от невежества?

А действительно! Весь предыдущий текст посвящен тому, каким злом является невежество, сколько проблем может решить и сколько может принести благ его искоренение. Значит, вопрос естественен. Но здесь читателю нужно быть готовым к сюрпризу. Ответ парадоксален до легкомыслия и даже невежества: да никак! Не нужно избавляться от невежества. Оно же следствие! Более того, оно — вовсе не результат вируса, заброшенного к нам злыми инопланетянами, а наше, явление плоть от плоти от нашей сущности. С ним невозможно бороться точно так же, как невозможно остановить дождь с помощью плохого отношения к нему. Невежество — результат разрозненности общества, из-за которой становятся допустимыми и приемлемыми несправедливость, незнание, равнодушие, бескультурье, насилие, произвол, стереотипное восприятие окружающего мира и с ним расизм, ксенофобию и многое другое, что в сочетании расчищает общественное и властное поле для буйного его роста.

И вот как же все-таки справиться с невежеством? Нельзя же сложа руки наблюдать, как оно один за другим берет бастионы человечества: культуру, науку, образование, медицину, искусство, литературу, мораль, опустошая души и обесценивая ценности, все глубже проникая в святая святых — в воспитание детей, во взаимоотношение людей, поколений, народов, во власть, наконец. Понятно, что надежда — только на будущие поколения, но мы живем сегодня. В средние века в бедной стране Мьянме (Бирма), которая по сей день продолжает оставаться бедной, было построено несколько миллионов (!) храмов (видимо, тогда такая своеобразная мода была), часть из них сохранилась в том или ином виде и продолжает привлекать туристов, являя собой предмет гордости аборигенов. Только вот интересно, если бы бирманцы тогда вместо храмов построили школы и университеты в подобном количестве, чем бы являлась сегодня Мьянма как страна с учетом финского примера с «Нокиа»?

Речь о том, что, конечно, знание — один из самых серьезных факторов в данном контексте, неслучайно, что в настоящей работе именно знанию придается столь большое значение, в том числе и как противовесу невежества¹⁰. Но искоренить невежество способно только само общество, которое должно встать над собой, превратиться из сборища разрозненных страт в единый организм, способный самостоятельно решать собственные проблемы. Не государство, не власть не имеют должного уровня,

¹⁰ Великий Сократ был прав, когда говорил: «Есть одно только благо — знание и одно только зло — невежество». Правда, зла с тех времен накопилось уж слишком много, но только потому, что человечество в основной массе своей не придает знанию, как единственному, по Сократу, благу, то значение, которое оно заслуживает. Что касается невежества, как всемирного зла, то, видимо, в знаниях людей ему отведено слишком скромное место, этим оно и пользуется и, судя по всему, достаточно успешно.

содержания и качества инструментов по созданию удобного для всего социума жизненного пространства — недовольные найдутся всегда. Неважно как, через общественные институты и структуры, опосредованно или непосредственно, но любое решение власти и государства должно совпадать с интересами общества. Сегодня наиболее продвинутые страны, добившиеся высокого уровня жизни для своих граждан, обеспечившие им безбедное существование, подходят к перепутью, где их ждут трудности именно в отношениях с обществом¹¹ (приход невежественного президента в самой передовой по многим позициям в мире стране — США, — как говорится, лишь первая ласточка, да и США здесь — не исключение). Эти проблемы не решат ни монархия, ни демократия, ни капитализм, ни социализм (даже по-шведски), если эти виды правления как формы мироустройства не будут соответствовать осознанному выбору социума, свободного от невежества. А государственными решениями или директивами власти тем более невозможно добиться ни искоренения невежества, ни ответственности тех или иных страт как перед обществом, так и за него. Освободить себя от невежества может только само общество посредством внутреннего единения: это звучит идеалистически с одной стороны, как некая панацея и окончательное решение — с другой, и как призыв к чему-то, что почище революции — с третьей.

А это так и есть: да только подобный идеализм ведет к решению множества практических задач; ни панацей, ни окончательных решений подобных масштабов не бывает по определению, но глобальное объединение индивидуальностей в сообщества, сообществ в общества, обществ в нации и народы, а последних — в человечество снимет большинство проблем, которые в течение веков мир пытается решить с помощью экономики, политики, различного рода идеологий, посредством революций, войн и многого другого; да, это похоже на революцию, только не на ту, что направлено на разрушение с последующим восстановлением, создание проблем с героическим их преодолением, на уничтожение врагов с повторением их же пути в другой форме и ипостаси, а на революцию созидания. Для ее победы не нужно менять власть, политику, идеологию, ценности, достаточно измениться самому обществу внутри себя, осознать свою суть и свои интересы (текст все больше скатывается в пафос, но без пафоса тут не обойтись, мы действительно говорим о важном и высоком). Проще говоря, невежество — одна из промежуточных проблем, оно — часть большой проблемы, справившись с которой, общество, возможно даже, незаметно для себя решит и малую. Как альпинист, взяв самую высокую

¹¹ Английский журналист Майкл Бут, проживший в скандинавских странах более 10 лет, пытаясь более или менее объективно оценить качество жизни и возможные перспективы Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии и Исландии, нередко представляемых журналистами и аналитиками как образцовые государства, приходит к выводу: не все в них гладко именно с точки зрения внутренних — общественных, ментальных, психологических проблем. Кажущееся единство общества в них — вопрос точки зрения и не более того.

вершину мира — Эверест, не тратя времени на те, что ведут к ней, берет не только Гималаи, но и все горы планеты — они так или иначе остаются у него за спиной.

Пошаговые действия по избавлению от массового невежества

В России принято возлагать надежду и вместе с ней ответственность на интеллигенцию. Уверен, что многим, кто в той или иной мере озабочен проблемами невежества, и сегодня кажется, что за дело должен браться этот относительно небольшой, загадочный и непонятный, и по этой причине кажущийся неким центром силы, имеющим влияние все на тех же сильных мира сего, в том числе власть, кроме того, существующий где-то, может быть, недалеко, но точно не рядом, сегмент населения, не дотягивающий до класса или страты ни по характеристикам, ни по возможностям. Это отчасти правда, но только отчасти, потому что сила интеллигенции в ее умении донести до власти или опять же до тех сильных мира сего свое мнение, иначе говоря, она в отличие от основной массы населения обладает голосом, способным достичь нужных ушей. Время от времени у нее появляется возможность, скажем так, прогуляться с властью по городской площади, мило переговариваясь, и даже по просьбе (!) последней подставлять ей плечо. Это много, но без поддержки общества ни слово, ни голос интеллигенции, ни ее совместные прогулки с властью и любые другие взаимоотношения ничего не значат. Кроме того, подобные ожидания мало чем отличаются от надежд, возлагаемых на цены на сырье, власть, богатых, инопланетян, провидение и являют собой желание переложить ответственность за собственное будущее на кого-то другого — это так, что в нашей действительности, что в любой другой стране.

Обществу необходимо изменить собственную суть, как сейчас говорят, переформатировать свою матрицу в целом и в частности — поменять внутреннее содержание как отдельных сегментов и страт, так и всего народа. Никакие новые идеи здесь не нужны — в разных формах, видах и качествах человечество за тысячелетия своего существования много чего проходило. Мы не первые, но мы одни из тех, кто рискует быть последними. К тому же все сильного лекарства не существует, но есть здравый смысл, что намного сильнее, надежнее и действеннее любой панацеи, и который не допускает невежества ни в каком виде и качестве. К тому же, вопреки мудрому изречению об образовательных способностях истории, она учит, еще как учит, более того, никогда не позволяет пропускать уроки. Обществу необходимо пересмотреть свои взгляды на вроде бы очевидности, суметь увидеть данности без наносных обстоятельств и шелухи, разобраться с собственным восприятием самого себя и понять,

что оно — сила не своим существованием, а качеством содержания, то есть каждого отдельно взятого человека¹².

Для начала есть смысл сбросить скорость, снизить темпы, пока человечество (в данном контексте у человечества и отдельного общества путь один) не осознает маршрут и не поймет, куда идет. Да и на бегу (а движение человечества сейчас напоминает именно бег и, непонятно, в каком направлении, хотя ясно, что вниз — вверх такую скорость набрать невозможно) особо не подумаешь.

Следующим шагом должно быть придание полновесному гражданскому обществу всемирного характера (здесь и далее под понятием «гражданское общество» подразумевается совокупность организаций, структурированных в единое целое, обладающих правом, возможностью, статусом, позволяющими формулировать и отстаивать интересы социума). Трудно сказать, должно ли оно быть модным, как демократия, или объявлено необходимостью, без которой может быть закрыт доступ в некий «клуб приличных государств», или что-то другое, но оно должно восприниматься как абсолютно необходимый атрибут современного мира. Гражданское общество, получив моральное и юридическое обоснование, став, как минимум, равным таким институтам, как государство и власть, достаточно быстро приведет в порядок как весь пресловутый миропорядок, вокруг которого ломается столько копий, так и внутреннее обустройство отдельных стран, выбивая из рук различных групп интересов монополию на управление населением и обществом. Здесь необходима небольшая ремарка: во-первых, о том, что уже на данном этапе человеческие сообщества могут покончить с невежеством, как с активной силой, — оно, если и останется, то уже не будет иметь возможности не только претендовать на доминирующую роль в обществе, что происходит сплошь и рядом, но перестанет, скажем так, вмешиваться не в свои дела; во-вторых, человечеству необходимо вернуться к все сильнее ускользающей демократии посредством реальных выборов, все более превращающихся в часть политических технологий с заданными результатами даже в самых предемократических странах, не говоря уж о так называемых молодых демократиях. Разница лишь в ка-

¹² Отношение современного общества в массе своей к отдельному индивиду и большей части населения предельно откровенно выразил один из рецензентов — социальный психолог, кстати, — цитируемой здесь книги «Как управлять рабами», назвав свой текст «Каждый менеджер должен прочесть эту книгу» (возможно, но лично мне кажется, что подобный вывод — очень плохой признак для нашего времени) и утверждая: «По мере развития цивилизации мы все глубже ощущаем недостаточность современных представлений о человеческой натуре. Особенно если это касается отношений в сфере управления и власти. Сегодня из 100 запросов на консультационные услуги 90 так или иначе связаны с проблемой мотивации». И задает вопрос: «Что случилось с самомотивацией и ответственностью? Куда подевалось столь характерное для свободного человека удовольствие от принятия самостоятельного решения? На это нельзя не обращать внимания, поскольку описываемое никак не встраивается в наступившую эру «партнерства», равенства всех перед законом и свободного развития каждой личности». Марк Сидоний Фалкс при участии Джерри Тонера. Как управлять рабами. М., 2017. С. 222. Разве здесь речь не о невежестве? Причем о невежестве с нескольких сторон.

честве указанных технологий и количестве вкладываемых в управление электротом средств.

Затем нужно будет определиться с мерилем человеческого существования — это основополагающий момент: если и дальше признаем этим мерилем деньги и, соответственно, продолжаем свое существование при сплошной коммерциализации, то лучше ничего не затевать — в итоге придем туда же, где находимся. Если же в качестве мерилы будет выбрана человеческая жизнь, то в первую очередь поменяется качество последней и, следовательно, самого человека. Подобный подход в буквальном смысле и за короткое время превратит гражданское общество и вместе с ним нации и народы в самостоятельные, самоконтролируемые, самоуправляемые и способные на диалог не только с собственными производными, но и между собой — нациями и народами — структуры, следовательно, определит место как национальных институтов (власти и государства), так и наднациональных (вряд ли при таком стечении обстоятельств кому-то придет в голову задуматься о всевозможных формах мирового господства, включая идею о пресловутом мировом правительстве, время от времени вбрасываемой в информационное пространство, а паразитировать на «теле» тех или иных народов, а тем более человечества не удастся никому). О месте свободы в таком обществе, социальной солидарности, взаимной заботе людей друг о друге, взаимоотношениях как между стратами, так и между социумом и властью, обо всем материальном, влиянии на подобное общество лжи и всего негативного, следовательно, о войнах, терроре, преступности, тем более невежестве можно и не говорить — полномасштабное гражданское общество все эти явления урегулирует само.

Здесь можно было и остановиться, так как все вышеназванное в совокупности превратит человеческие сообщества, а вместе с ними и само человечество из неразумной толпы, чем оно все больше становится, в единое в своем здравом восприятии себя самого и окружающего мира общество, в пронизанный внутренней взаимосвязью, пропитанный своеобразными коммуникативными извилинами и нейронами живой и действующий организм, а само гражданское общество со временем — в некую форму, говоря без преувеличения, *perpetuum mobile, способную не только на самодифференцирование, но и на саморазвитие и самосовершенствование. Но, по мнению, автора, есть еще один момент, о котором говорилось выше, но он стоит повторения, и по которому нынешнему поколению людей нужно принять решение. Это — вектор развития человечества. Если исходить из данного предположения, то далее путь пролегает к тому, чтобы определиться с направлением движения: космос, это прекрасно, но дорога к космосу должна пройти через осмысление самого человека и интересов его обители — Земли. И это, кстати, потребует не меньших интеллектуальных, научных и иных усилий, чем полет на Марс, изобретение нового оружия массового поражения или дальнейшее «шпигование» земного*

шара межконтинентальными ракетами максимально дальнего действия с ядерными, нейтронными, вакуумными или какими-либо иными, еще более смертоносными боеголовками. К тому же, если вникнуть чуть глубже, то сегодня космические исследования — немногим больше, чем коммерческий проект, и больше, с одной стороны, как подспорье мирового (мирового, потому что он внутренне взаимосвязан при всем своем антогонизме) военно-промышленного комплекса, с другой, — к сожалению и в основном, вкладываемым в них средствами массовой информации пафосом, чем сутью и содержанием. От ближайших планет нас отделяют миллионы километров, от возможного источника инопланетной жизни — сотни световых лет, и человечеству есть смысл основательно разобраться сначала с собственным существованием с учетом того, что до очередной мировой — возможно, последней — войны очень даже может быть, что рукой подать, той войны, которая будет уже не запятой или многоточием, а восклицательным знаком на судьбе человечества. А дальше... как говорит один мой знакомый, Земле все равно, есть на ней жизнь, или нет.

Что же касается науки, то средневековый Ренессанс стал возможен только потому, что к началу XIV века накопленные к тому времени научные знания были объединены, в определенной мере систематизированы, и ученые того времени были универсалами, разбирающимися в разных отраслях знаний от математики и астрономии до литературы и юриспруденции. Современные технические возможности позволяют и сегодня объединить научные знания для нового ренессанса таким образом, чтобы анатомия, биология и зоология стали подспорьем физики и химии, и наоборот, математика вела за собой философию и социологию, история и литература служили переосмыслению всех других дисциплин, социальной прогно- стике и диагностике и так далее. Не думаю, что результаты заставят себя долго ждать. Ведь человечество не занимать нужно чем-нибудь, чтобы оно молчало и не мешало, а увлечь таким, чтобы пошло и достигало.

Не получиться не может

Конечно, все предлагаемое очень непросто в осуществлении и требует невероятных (правда, скорее, моральных, интеллектуальных, чем физических) усилий и воли, но не получиться не может по определению. Реальное, полновесное гражданское общество настолько самостоятельно, что не нуждается не только в финансах, но и подсказках, оно само по себе генератор идей и производитель ценностей. Разумеется, «столкновение цивилизаций» по ныне покойному Самюэлю Хантингтону¹³ способно дать больший коммерческий эффект, чем попытки реформирования

¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2016.

нынешнего мирового порядка в направлении человека, но только на определенном этапе, но оно, как может свидетельствовать опыт поколений едва ли не всех континентов, приводит только к хаосу. «Будущее и мира, и Цивилизации зависит от понимания и сотрудничества между политическими, духовными и интеллектуальными лидерами главных мировых цивилизаций. В столкновении цивилизаций Европа и Америка будут держаться вместе — либо погибнут поодиночке. В более масштабном столкновении, глобальном «настоящем столкновении» между Цивилизацией и варварством, великие мировые цивилизации, обогащенные своими достижениями в религии, искусстве, литературе, философии, науке, технологии, морали и сочувствии, также должны держаться вместе, или же они погибнут поодиночке. В нарождающейся эпохе столкновение цивилизаций представляет величайшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны»¹⁴. Здесь можно было бы написать «Без комментариев», но цитата (не говоря, о самой цитируемой работе) вызывает слишком много вопросов: кто такие главные мировые цивилизации, и в чем они главнее, и кто такие варвары; что означает выделенное курсивом «настоящее» столкновение; как сочетаются достижения в виде «религии», «морали и сочувствия» с «настоящим столкновением между цивилизацией и варварством»; с учетом того, что работа С. Хантингтона в большей степени инструкция, чем предупреждение, не является ли она образцом невежества, ограниченным видением мира локальными интересами, пусть и большой, но одной державы и одного народа. Хантингтонов, толкающих человечество в хаос и глобальную катастрофу, более чем достаточно. И, к сожалению, человечеству в его нынешнем состоянии, когда оно погрязло в невежестве, на подобные вызовы нечем ответить, вот ему и приходится поддакивать, изучая подобные тексты в высших учебных заведениях, как некие пророчества.

И еще одно. Прежде чем обрекать человечества на глобальные конфронтации и столкновения, хорошо бы помнить, что не народы начинают и ведут войны. Не они вкладывают огромные средства в разработку и производство множества разновидностей оружия массового поражения (как будто одного вида недостаточно) под видом развития науки или создания рабочих мест. Не народы повинны в мировых войнах, жертвами которых стали десятки миллионов людей, затеянных ради передела мира, мирового господства, решения проблем (банального обогащения) транснациональных корпораций; в постоянных вооруженных конфликтах «во имя мира на земле», открытых и завуалированных под миротворческие и антитеррористические операции; не они превращают чужие земли

¹⁴ Там же. С. 579.

в поля боев, народы — в беженцев, государства — в изгоев всего лишь для решения внутренних проблем.

Более того, народы не так просто подвинуть на вооруженное противостояние: чтобы люди пошли друга на друга, необходимы политические технологии. Трудно убивать себе подобного, а стрелять в «мусульманина» или «христианина», «белого» или «красного», «янки», «коммуниста», «нациста», «фашиста» вполне допустимо. Европейские завоеватели обращали в рабство не представителей африканских племен, а «туземцев». Американцы-колонисты очищали материк не от отдельных племен, располагающих лишь луками и стрелами, а от «индейцев»; США сбрасывали атомные бомбы не на мирных жителей Хиросимы и Нагасаки, а на «узкоглазых», выжигали напалмом деревни не вьетнамских крестьян, а «чарли»¹⁵. Российская империя воевала на Кавказе в течение десятков лет с использованием регулярных войск не с аварцами, чеченцами, табасаранцами, карачаевцами, кабардинцами, вооружение которых составляло две берданки на одну деревню, а с «дикарями»¹⁶. В Средней Азии Советской власти противостояли не узбеки и туркмены, а «басмачи», она же в Афганистане уничтожала не пуштунов, таджиков и хазарейцев, а «душманов»¹⁷. Да и репрессировала она не собственных граждан, а «кулаков», «уклонистов», «троцкистов», всевозможных «вредителей», «шпионов», «врагов народа». И сегодня людей называют «мигрантами», «гастарбайтарами» («америкосами», «латиносами», «азерами», «хачиками», «дагами», «черными» — подобных названий-обзвований не счесть), чтобы их обезличить, усугубить воздействие негативных стереотипов и создавать новые, еще более действенные. Даже при нынешнем уровне невежества беда человека конкретной национальности быстрее вызывает сочувствие, чем несчастье, случившееся с безликим «мигрантом». Не народы воюют друг с другом, а государства. Если так уж не обойтись без войн, то давайте вопрос решения конфликтов путем вооруженных противостояний (то есть, войн) согласовывать и с народами — войны будут более легитимными, да и их станет значительно меньше. Кстати, не помешало бы легитимизировать подобным образом и многие другие вопросы, связанные с судьбой человечества, в том числе те же формы глобализации, экологии, изменения климата и так далее, но особенно проблему места человека на Земле.

¹⁵ Согласно фонетическому алфавиту (принят армией США 1 марта 1965 г.) официально вьетнамские солдаты обозначались под шифром «VC» (от «Вьетконг»). Чтобы не спутать код, данное сокращение расшифровывалось как «Виктор Чарли» (VictorCharlie). В результате был выбран простой вариант для обозначения врага — просто «Чарли». Цитируется по: <http://travelask.ru/questions/18247-pochemu-vietnamtsev-nazyvali-charli>.

¹⁶ Только при попытках уплыть от смерти морем погибших было так много, что адыги, черкесы, шапсуги по сей день не едят рыбу из Черного моря. Источник: <http://adygi.ru/index.php?newsid=2055>.

¹⁷ Людские потери США и СССР во Вьетнаме и Афганистане, составляли соответственно, менее 60 тысяч и около 15 тысяч военных, вьетнамцев и афганцев — более миллиона человек.

Может, пора начать жить

Жить в ожидании жизни не является исключительным свойством советских людей, которые чуть ли ни в течение всей своей жизни жаждали «светлого завтра» и «яркого будущего» (автор настоящей работы — один из них) — таков в той или иной степени весь мир. Наверное, так и должно быть, надежда на завтрашний день, который принесет нечто лучшее, работает как универсальная форма мотивации как для власть имущих и богатых, так и ведомых и бедных — кстати, для первых в не меньшей мере, чем для вторых. Таково и в целом человечество — история историей (даже если она служит источником новостей и средством манипулирования), но ожидания людей связаны с будущим. Даже когда мы говорим о конце истории, то имеем в виду конец одной — конкретной, который положит начало другой, естественно, более привлекательной истории. У человечества немало достижений гуманитарного и глобального характера: мораль, государство, различные формации, виды правления, закон, правосудие, наука (особенно медицина и образование), производство, религии, различные идеологии и технологии. На эти достижения наша цивилизация потратила значительно больше времени, интеллекта, сил и средств, чем она может направить на достижение глобального гражданского общества.

Говорят (мне самому иногда так кажется), что история не знает сослагательного наклонения, — знает, еще как знает. Фраза «если бы», мысленный пересмотр и анализ случившихся событий — одни из основных инструментов истории для самооценки и недопущения ошибок: ошибок вообще и аналогичных уже допущенным. И сейчас, когда мир, судя по всему, сам того не ведая, находится на грани самоуничтожения (использование ядерных средств массового поражения ничем иным назвать нельзя) из-за самых банальных форм невежества, просто необходимо обратиться к сослагательному наклонению, исходя из прошлого опыта и с учетом возможного будущего — что будет, если...

Не хотелось бы закончить текст на грустной ноте, к тому же и так эти заметки кому-то, а может, и многим, покажутся идеализацией возможностей и способностей современного общества, с одной стороны, преувеличением грозящих опасностей из-за каких-то невежд — с другой. Но столь масштабное наступление невежд (примеры — в ежедневных новостях) говорит не о силе невежества, а о том, что причин для подобного наступления стало слишком много и с каждым днем становится все больше. Люди, в течение веков общающиеся между собой на языке общих ценностей, сталкиваются с новым Вавилоном — теряют способность к диалогу из-за искаженного восприятия действительности, превращающего неважное в главное, ненужное в необходимое, и обесценивания важнейших критериев общения, в первую очередь, морали. От потери общения до начала кровопролития дорога не такая длинная, как может показаться. Поэтому

и быть оптимистом трудно при всем желании. К тому же человечеству при всех раскладах надеяться не на кого, кроме как на самого себя. Тем более, выход есть. Разумеется, он промежуточный, но есть!

Теперь очень серьезно

Предлагаю посмотреть на нашу земную действительность из далека — сначала из глубин космоса, затем все ближе и ближе, а в заключение — просто с высоты птичьего полета. Благо, все это сегодня человеку более чем доступно. Предположим, некие инопланетяне обнаружили нас (в смысле жизнь на нашей планете) и летят к нам — посмотреть, что мы такое. Вот они долетели на то расстояние, что увидели Землю во всем ее величии и красоте (голубизне, круглости и так далее), при этом как небесное тело, ничем особенным не отличавшееся от подобных. Подлетая ближе, обнаруживают кое-что поинтереснее — океан, сушу, пересекающие ее реки, а затем — отдельные материки и рельеф, еще более приближаясь, они видят жизнь — сначала в виде бесконечных лесов, джунглей, тайги, затем и строений — мегаполисов, больших и малых населенных пунктов. Обратим внимание, что пока инопланетянам видно только физическое тело Земли, и оно, естественно, кажется чем-то единым. Материки разные, океаны и леса не всегда явно соединены между собой — но это один мир. И земная жизнь им пока кажется единой. Предположим, они опустились еще ниже и их зрительным органам стали доступны различные климатические и географические пояса, они уже отличают пустыню от степи, тундру от тропических лесов, но пока их мнение о нашем единстве не изменилось. Приближаясь к нам еще больше, они переходят некую черту и начинают различать живность и обнаруживают, что она разная, как и условия ее обитания. Не хочется сильно детализировать (это дело писателей-фантастов), но путь у наших предполагаемых гостей очень непростой, сюрпризов ведь у Земли много. Опустим подробности их восприятия особенностей земной жизни и перейдем к тому моменту, когда до них доходит, что главные на Земле — люди, как разумные существа, живущие практически по всей планете, и которые им видятся единой цивилизацией (что так и есть). Опускаясь все ниже, они видят разницу между отдельными странами, и у них появляются первые сомнения в нашем единстве. Допустим, инопланетяне правильно воспринимают данное обстоятельство, то есть как некую административную особенность, и наугад выбирают какую-то страну (совершенно не важно — какую), сосредоточивая на ней свои исследовательские намерения. Дальше они находят, что люди, которых они воспринимали как единую общность, делятся между собой чуть ли до атома, то есть, до индивидуума — мир человека состоит не только из материков, но и стран, городов, деревень, отдельных домов, которые в свою очередь делятся на

квартиры и комнаты. Постепенно они обнаруживают, что жилищные условия людей отличаются между собой, затем, что сами люди разные — их внешний вид разный, включая цвет кожи, волос, телосложение, форму лица, глаз, носа и так далее, и говорят они на разных языках. Выясняют, что люди бывают разных рас и национальностей (то, что — и пола, думаю, они так догадывались), еще и верят в разных богов. Когда они доходят до семьи и обнаруживают, что внутри нее аборигены тоже разные, более того, не всегда ладят между собой, у них случается то, что можно обозначить модной ныне научной фразой «когнитивный диссонанс». Тем более что мы сами время от времени о подобные обстоятельства спотыкаемся, да так, что иногда приходится справляться с ними через суды. Дальнейшие приключения инопланетян проследить не будем, думаю, через какое-то время они привыкнут к людям и под видом мигрантов ассимилируются в нашу действительность.

Идея в том, что мы едины и не едины, вроде бы вместе, и все же — врозь, нас должны объединять какие-то общие воззрения, интересы (хотя они есть), но не объединяют. Ведь когда человек говорит «мир» в смысле «земной шар», он не делит его на континенты, материки и страны, когда мы произносим «человечество», не имеем в виду нечто разрозненное на расы, национальности и так далее. Так почему же не можем найти между собой общего языка хотя бы в отношении собственного выживания. Лучшие умы уже определили все опасности, грозящие человечеству, среди которых очень мало природных — если они и есть, то естественные угрозы существованию человека не столь убийственны для жизни на земле, как рукотворные. Понятно, что человечество переживает подростковый возраст, не наигралось в игрушки в виде войн и так далее, но есть инстинкт самосохранения, как одно из сущностных начал. Он-то куда девается, когда солидные господа, наверняка, гордящиеся занимаемым в обществе, а то и в мире, положением, вслух и на весь мир рассуждают о возможности применения оружия, которое можно применить один раз, — дальше наша планета может надеяться лишь на эволюционную теорию Дарвина: бог-то уж точно отвернется.

Теперь посмотрим на мир, как и было выше обещано, с высоты птичьего полета, но собственными глазами — данная высота удобна тем, что позволяет не сильно вникать в детали, но открывает как частности, так и общую картину. Картина же такова: то место, где сегодня очутилась наша цивилизация, не совсем удобно для привала, — уж слишком много негативного содержит в себе. Впечатление такое, что мы то ли свернули не туда, то ли сворачиваем. Язык человеческий перестает выражать мысль, он все больше служит для того, чтобы ее скрыть. Экономическое неравенство достигло уровня, когда разъединяющих мотивов в мире стало так много, что объединяющим факторам практически закрыт «доступ к микрофону».

В то же время мир гордится демократией, особенно, такими ее атрибутами как выборы, разделение властей, которые сокращают расстояние между властью и обществом, превращают в обычную процедуру сменяемость власти (не в смысле ротации главных руководителей, но и с точки зрения перманентного обновления всего ее аппарата), открывают доступ во власть посредством различного рода «социальных лифтов», в огромной мере исключая тем самым мятежи, перевороты и революции, способные приносить людям чаще всего лишь боль и страдания. Многие в современный период истории возлагают на демократию огромные надежды, иногда и не понимая ее сути, — просто за неимением более совершенных форм правления. Поэтому сплошь и рядом звучит от знающих и незнающих «апокриф», что она — «худшая из форм правления, но лучше ничего не придумано». Возможно, так и есть. К тому же, демократия, действительно, на примере довольно большого числа стран доказала свое качество как системы управления. Нет смысла приводить примеры, они и так у всех на слуху. Чтобы понять суть того места, где человечество сегодня оказалось, лучше обратиться к примерам другого рода. Например, таким, что в течение последних десятилетий не было ни одной секунды, когда бы в мире не происходило хотя бы менее десятка вооруженных конфликтов. Что мировое сообщество государств состоит из своего рода «главных» и стран, считающихся (и нередко согласных с данной «ролью») второстепенными, третьестепенными, вассалами, сателлитами и прислужниками. И как бы по общей договоренности Родины людей превращены в зоны влияния, в секторы мира и войны, торговые площадки и сырьевые придатки, а сами народы — в новую разновидность рабов, незавидное предназначение которых расписано все теми же «главными» на поколения наперед. А «главные», сами того не сознавая, являют собой лишь средство и инструмент в руке кучки кукловодов планетарного масштаба (скорее всего, изображающих таковых), судя по всему уже потерявших нить нарратива, вокруг которого вроде бы происходит весь сыр-бор. Потерявших по простой и банальной причине: бесконечное обогащение не может быть целью — оно не обеспечивает полную власть над людьми, всегда найдется какой-нибудь Спартак, Ленин или Че Гевара. Даже если кому-то (одному человеку или группе людей) удастся сосредоточить в своих руках все мировые богатства, достичь абсолютной власти он не сможет даже над самим собой.

И вот эта ситуация то ли перекрестка, то ли распутия, то ли тустика и заставляет мир находиться в состоянии перманентного раздражения в масштабном смысле. Оттуда глобальные конфликты и кризисы, растущее и, главное, деструктивное, неравенство между странами и индивидуумами, психологические проблемы у огромного числа людей, приводящие к катастрофическим последствиям, в числе которых алкоголизм и наркомания, растерянность и потеряность целых поколений, ставшая благодатной

почвой новой мировой беды в виде терроризма, все то же невежество и так далее.

Выхода из этой ситуации как будто и действительно нет. Многие из нас были бы рады, если бы кто-то доказал обратное. К тому же мировой опыт показывает, что в той иной форме выход есть всегда,— все зависит от степени готовности к действиям.

Возвращаясь к положительным свойствам демократии, в качестве короткой ремарки есть смысл вспомнить важнейший ее инструмент безопасного принятия решений: речь о системе сдержек и противовесов, которая не раз доказывала и продолжает доказывать свою состоятельность (например, все та же ситуация с Д. Трампом в США). А что, если применить данную систему ко всему человеческому сообществу. Например, в следующей форме.

Сегодня во всех странах мира властные полномочия делегированы государствам. За редким исключением именно государства являются монополистами власти. Стран, управляемых, в том числе и развитым, структурированным, самостоятельным, компетентным гражданским обществом, практически нет. Большинство государственных образований и вовсе обходится даже без зародышей гражданского общества, при этом гордо заявляя к месту и не к месту о своей демократичности (иногда даже вписывая слово «демократия» в свое название для пушей убедительности). У некоторых из них фасад весь окрашен в «цвета» демократии, но это сути не меняет. Суть не меняет и то, что вполне демократические государства в нужный момент «включают» определенного рода технологии, чтобы демократию, скажем так, укротить. Вследствие всего этого демократия теряет свои позиции — ведь она не способна решить все вопросы, а бывают периоды, когда и вовсе мешает. Проблема в том, что подобные времена несложно организовать, а можно войти во вкус и объявить таковыми весь период собственного правления, чем авторитарные руководители нередко пользуются. Вот и падает интерес к демократии. Главный показатель этого явления — снижение доверия к выборам. Можно как угодно обозначать и объяснять эту ситуацию — нормой, особенностью, ссылаться на обстоятельства, ментальность, отпускной сезон, дождливую погоду, суть от этого не меняется: выборы перестают иметь для основной массы людей основополагающее значение.

Вернуть же доверие к выборам, как и решить вышеозначенные проблемы, необходимо, если мы не хотим уже в ближайшее время оказаться в средневековье информационного века. В нынешних условиях это возможно только посредством развития и расширения возможностей гражданского общества. Обычно в такие моменты, когда предлагается что-то на первый взгляд кажущееся невыполнимым, возникает несколько вопросов, главные из которых следующие: как это сделать? кто это будет делать? за чей счет?

Еще раз выражу уверенность: что бы человечество не затеяло во имя собственного спасения, это обойдется намного дешевле, чем очередная мировая война, к порогу которой оно все ближе подходит. Что же касается того, как и кто, то нет необходимости изобретать велосипед. Сегодня поднят вопрос о реформировании Организации Объединенных Наций, которое действительно назрело. Хотим мы того или не хотим, но в ООН в ее нынешней форме главным аргументом при решении основных вопросов является сила. Неслучайно, в Совет Безопасности ООН входят исключительно ядерные державы. Впрочем, оно и правильно, особенно, если исходить из того, что при сложившемся положении вещей увещеваниями вряд ли можно добиться какого-либо реального результата. В то же время тот же Совет Безопасности раздираем внутренними противоречиями из-за различных факторов, включая не совпадающие интересы его членов. Об этом красноречиво говорит множество невыполненных резолюций, да и принятие самих резолюций, требующие консенсуса, не всегда легкое дело. Вот и все чаще звучат мнения о том, что ООН не справляется со своими функциями, выступает инструментом в тех или иных руках и так далее, что, впрочем, недалеко от истины.

ООН тут причем, но не так уж и сильно

Судя по всему дело не в ООН. Никакие реформы внутри нее не к чему сущностно новому не приведут. Как бы ни расширился состав Совета Безопасности, возникновение новых претензий с новыми порциями недовольства — вопрос времени. Много ли изменило трансформация «Семерки» (G7) в «Восьмерку» (G8) и обратно или создание «Двадцатки» по сути? В лучшем случае подобные изменения обращены на решение узких задач по удовлетворению амбиций одних и служат появлению подобных же амбиций у других.

Кстати, дело и не в государствах. Упомянутая в начале текста проблема деградации власти — лишь проявление масштабной болезни. Государство, как инструмент управления, исчерпывает себя, отставая от человеческого интеллекта в развитии; как явление, в растерянности и нуждается в глубоких и многоформатных — интеллектуальных, культурных, психологических — импульсах; законы, на которые оно опирается, устаревают еще до появления; монополия на насилие малоэффективна и нередко лишь провоцирует обратное насилие; технологии, даже крайнего порядка, вроде упомянутых «маленьких победоносных войн», лишь усиливают недоверие социума; управленческие возможности все больше ограничиваются банальным «руководством» и популизмом; попытки самоорганизоваться и самореформироваться гаснут, не успев начаться; общества становятся все более сложными как качественно, так и содержательно и формально,

а государства по своим целям и задачам остаются на прежних позициях; в результате оторванность государства от общества, следовательно, сокращение взаимопонимания между ним и социумом становится глобальной проблемой; выборы, как инструмент обновления, теряют свою эффективность из-за взаимного недоверия между обществом и властью; даже посредством самых широких и демократических — честных, чистых и прозрачных — выборов власть все чаще достается не наиболее достойным (или достойному), а распределяются в рамках определенной практически необновляемой группы интересов, пусть даже состоящей из нескольких центров политической силы (партий, движений и так далее), некой неомонархии, отличающейся от классической монархии лишь формой образования — в ней основную роль играют не родственные отношения, а общность интересов; следовательно, преемственность при таких обстоятельствах означает всего лишь преемственность по соблюдению относительно частных интересов; основная на сегодняшний день проблема заключается в том, что государство в силу оторванности от социума не понимает, что его деяния на виду: общество видит все — оно может не реагировать, но недовольство накапливается безотносительно его интеллектуального уровня — последний лишь определит качество и форму реакции.

Мир не так прост, чтобы можно было передвигать слагаемые и получать нужный результат. Подобные подходы — не более чем попытки отодвинуть момент эскалации тех или иных проблем. В шахматах, когда некуда сходить, а цейтнот поджимает, ходят куда-нибудь. В мировой политике, что во внутренней, что во внешней, куда-нибудь можно сходить, то есть, позволительно принимать решение ради решения, но при этом необходимо быть готовым к появлению весьма серьезных проблем. Те же политические технологии построены на решениях ради решений и, по сути своей, не более чем пустышки. ООН не та организация, которая может позволить себе технологии вместо реальных решений, вот и топчется на месте, выдавая за деятельность, прошу прощения за резкость, «говорильню». Но если это не так, то давайте вспомним, какую мировую проблему, какой глобальный, ладно уж глобальный, какой региональный, локальный, внутрисоветский конфликт решила высокочтимая Организация Объединенных Наций за последние годы или даже десятки лет.

Если не реформа ООН, то что?

Следовательно, требуется реформа, но не ООН, а той платформы, на которой она базируется.

Необходимо привнесение в мировой политический порядок новой детали, обогащение его новой структурой, которая бы трансформировала

сам миропорядок. Но только не в интересах тех или иных сил — подобные интересы временны, изменяемы, трансформируемы, узкоориентированы, а во имя вечных интересов человечества.

ООН изначально, хоть и несет в своем названии слово «нации», и если и имеет отношение к нациям, то только опосредованно, то есть через власти, так как является объединением государств. А если честнее, то попросту клубом представителей власти имущих от различных стран, которые даже при наличии условного мандата не всегда правомерны, способны и достойны в полной мере представлять народы своих стран. Согласитесь, государство, а тем более власть — это не совсем народ. При нынешних *реальных* явках избирателей на выборы властные структуры самых демократических стран нуждаются в легитимации, не говоря о государствах с не совсем устоявшимися политическими системами.

Предлагается вместо реформирования (или параллельно) ООН создать структуру под условным названием *Организация Объединенных Народов*, которые *будут представлены в ней исключительно через гражданские общества*. Здесь одновременно решается два важнейших вопроса: в планетарном масштабе подстегивается создание, становление и развитие гражданских обществ во всех странах мира со всеми вытекающими отсюда последствиями; и обеспечивается сдержки и противовесы демократии на мировом уровне. Это еще и своего рода глобальное разделение властных функций: объединение государств выступает исполнительной ветвью, объединение народов — представительной и контролирующей. Решение этих вопросов повлечет за собой масштабные изменения во всех сферах человеческой деятельности, вовлекая и включая в процессы разработки и принятия решений огромные массы людей, придавая существованию как человечества, так и отдельной личности новое, более глубокое и масштабное значение.

Думаю, не обязательно быть специалистом в соответствующей сфере, чтобы заметить: зачастую люди, говоря о свободе, подразумевают еще и некий порядок, который должен быть обеспечен для ее реализации. Разумеется, каждый человек, как в понятие «свобода», так и в категорию «порядок» вкладывает собственное понимание, когда как у государства и для свободы, и для порядка есть одно мерило — закон. Нередко противоречия как внутри общества, так и между обществом и властью возникают из разности восприятия и понимания подобных явлений. Например, общество нуждается в справедливости, государство же может предложить лишь закон. Справедливость законов можно лишь декларировать, у власти нет инструментов, чтобы ее добиться, она — не только субъективное понятие, но и от мнения слишком многих субъектов зависима. Подобные противоречия существуют и в глобальном масштабе, чем иногда и оправдываются войны, конфликты и различного рода кризисы.

Развитое гражданское общество способно разрешить такого рода противоречия на корню и по определению — оно не нуждается в поддержке

или оправдании своих действий с какой-либо стороны. Над ним нет судей, суд — внутри него. Его решение всегда результат многостороннего согласия. Вот и в мировом масштабе ООН, как Организация объединенных государств (если вещи называть своими именами), и Организация объединенных народов могли бы действовать совместно и на основе консенсуса. Тогда ни право вето, ни другие преимущества одних государств над другими не смогли бы стать источником конфликтов — открытых и скрытых.

Конечно, гражданское общество само по себе не является ответом на все вопросы и тем более лекарством от всех социальных, политических, экономических и многих других бед. Но на данном этапе оно может выступить своего рода проводником для мирового сообщества, глотком чистого воздуха, светом в конце тоннеля, наконец, фактором надежды для огромной массы людей, способным вернуть им уверенность в собственные силы. В конце концов, накопилось множество вопросов к государствам, обладающим мандатами на управление от тех же народов, которые может задавать лишь гражданское общество: по поводу масштабной нищеты и голода, отсутствия доступа к знаниям (образованию) у миллиардов людей, глобального неравенства, экологии, медицины, безработицы, недоверия между людьми и государствами и такой же глобальной растерянности, управляемого терроризма, интеллектуальной деградации, целей, перспектив и так далее и тому подобное.

Сегодня лучшие умы человечества не могут четко сформулировать то, с чем — какого рода и масштаба проблемой — мы столкнулись.

Если согласимся, что человечество переживает переходный, следовательно, с трудом осознаваемый и тяжело переживаемый подростковый возраст, то *гражданское общество с возможностью решать* может быть для отдельных обществ, в частности, и мирового сообщества в целом тем взрослым, который сумеет стать и наставником, и источником ума и мудрости.

Если думаем, что мир заблудился, сошел с верной дороги и ему необходимо вновь обрести путь, то гражданское общество способно стать для него мозговым центром по поиску ориентиров.

Если у нас в век передовых и продвинутых коммуникаций возникли проблемы с взаимопониманием между людьми, поколениями, народами, странами и государствами, то гражданское общество может выступить как полиглот и переводчик.

Подобным образом можно ответить на многие «если», но, главное, необходимо понять одно: у человечества есть только один помощник на все случаи жизни — это оно само. Из этого надо исходить, от этого нужно отталкиваться. Человечество нуждается не в глобализации, а во взаимной интеграции, в налаживании внутренних связей, коммуникаций, в постоянном диалоге и взаимопонимании. Этому должны служить все

производные от него, все его достижения, включая науку и религию. Общим языком для людей Земли может быть не что-то вроде эсперанто или язык жестов, а язык культуры, корни которой, что бы люди сами себе не придумали, — едины. В нашем случае человечеству в лице народов, а народам — посредством гражданского общества как инструмента управления необходимо брать бразды правления в свои руки, уравновешивая мировой порядок собственным присутствием в определении своей судьбы: как в экономике, так и политике всех уровней. От этого выиграют все: и государства, и народы, и человечество в целом.

Список литературы

1. Пуанкаре А. О науке. М., 1990.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 18. М., 1968.
3. Карасев В.И. Социальная трансформация: некоторые аспекты методологии исследования электоральной демократии //Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 3.
4. Эбзеев Б.С. Конституционное судопроизводство //Правосудие в современном мире. Изд-е 2-е, переработ. и доп. Под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2017.
5. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017.
6. Бут М. Почти идеальные люди: Вся правда о жизни в «скандинавском раю». М., 2017.
7. Марк Сидоний Фалкс при участии Джерри Тонера. Как управлять рабами. М., 2017.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2016.